Я мчался через заросшие руины, спёртый воздух проникал в уши. Черная когтистая рука метнулась к моей голове, но мне удалось увернуться. Если бы я был медленнее, она бы задела меня. Красные глаза выглянули из-за колонны, и я запустил воздушный снаряд в качестве прощального удара. Шесть месяцев назад, когда закончился месяц преисподней и я наконец оставил позади петлю анклава, мне потребовалась бы почти целая минута, чтобы метнуть что-то столь внушительное. Воздушный шар врезался в столб, разнеся его в щепки, и я улыбнулся с мрачным удовлетворением, услышав вопль демона.

Хорошо. Но недостаточно хорошо. Они догонят меня в любой момент. Я направил магию в надписи на своих ногах, и благодаря надписи спешки я стал двигаться быстрее, пока окружающее пространство не превратилось в неразличимое пятно.

Пригнулся. Амулет на моей шее горел. Я двигался инстинктивно, уворачиваясь от бьющего с шипением тугого потока воды под давлением, достаточным, чтобы содрать кожу, и скользил на коленях под струями.

— Неплохо было бы предупредить об этом, — пробормотал я себе под нос. Изумруд на моей шее вибрировал в ритме, который трудно было истолковать как-то иначе, чем смех.

Внимание привлек призрак: тонкий, ивовидный, почти полупрозрачный. Он выверено следовал за мной, но ошибся, едва выйдя за пределы слепой зоны слева от меня. Призрак бросился на меня, взмахнув изогнутым клинком в яростном горизонтальном ударе. Я не успел вовремя выставить щит, но надпись на моей руке, предназначенная для активации при попытке вызвать щит, засветилась ярко-желтым светом, обжигая кожу под ней, а сила нанесенного удара рассеялась в виде тепла. Я сильно ударил локтем и услышал гулкое «уф», когда воздух был выбит из легких нападавшего.

Я усмехнулся. Впереди была поляна, где на алтаре сиял золотой артефакт. Уже близко. Я прибавил темп, вскарабкался на то, что раньше было тонкой опорой для большого здания, и бросился вниз, готовясь пересечь последний поток…

Который был таким же скользким, как и твердым, как только я ступил на него. Я крутился, пытаясь сохранить равновесие, когда мои прочные сапоги потеряли сцепление с поверхностью, и я покатился по льду, тяжело падая на руки и снова поднимаясь. Призрачный образ вернулся, на этот раз не потрудившись подкрасться ко мне. Она ударила в меня, и я встретил ее удар мечом — раздался звон, когда ее лезвие скользнуло между пазами и застряло там.

Я потянулся за сумкой, но Белларекс схватила меня за свободную руку, чтобы остановить. Я ударил ее головой, но Белла была готова к этому, опустив подбородок так, что мой лоб больно ударился о ее череп.

Отлично. Пора переходить к серьезным действиям.

Я манипулировал воздухом. Специально для этого на поясе у меня было несколько подсумков с магнитными крышками. При достаточно сильном ветерке, дующем изнутри подсумка, крышки

открывались, выпуская содержимое.

Порошок посыпался в ее сторону по дуге. Ее глаза расширились, и она отшатнулась, бросив свой клинок, без сомнений, еще свежи были воспоминания о том, как я в последний раз поразил ее смесью жгучей крапивы.

Но сейчас было не до этого. Я вызвал пламя, поджег порошок и бросил его в нее по широкой дуге. Она отступила на лед. Я язвительно отметил, что на ней были сапоги с шипами. Они так и планировали.

Мой разум напрягся, когда я окружил ее порошком. Затем разжег пламя чистой маной. Она провалилась сквозь лед в воду. Я потратил еще мгновение, чтобы погасить пламя, чтобы она не застряла там.

Кнут, когда-то кожаный, а теперь металлический и легкий, обвился вокруг моей шеи как удавка. Лед под моими ногами растворился и снова замерз, приковав меня к поверхности. Джорра крепче сжал свой хлыст и подошел ко мне. Он тоже был в сапогах с шипами. Очевидно, я был единственным, кто упустил эту возможность.

Разумнее всего было бы сдаться. Но не хотелось.

— Сдавайся, Кэрн, — сказал Джорра.

Часть порошка еще горела. Если удастся вызвать его незаметно, то удастся освободиться. Я сожгу к черту свои сапоги, но в реальном бою это было бы неважно. Это…

Бонк.

Затупившийся метательный нож, пронизанный пустотой, отскочил от моей головы. Пустота вцепилась в меня, испортив все ближайшие планы по спасению.

Не говоря уже о боли. Было очень больно.

Одной рукой я залечивал рану, а другую протянул к Джорре, сдаваясь. Он отпустил кнут. Я глубоко вдохнул, когда он подошел к Белле, которая все еще была наполовину погружена в воду, держась за край замерзшего круга, и выглядела промокшей и несчастной.

— Это действительно было необходимо? — нахмурился я, потирая больное место, куда попал кинжал.

— Было ли это действительно необходимо? — Белла огрызнулась в ответ. Она оскалила зубы.

— Я собирался сдаться.

— Нет, не собирался, — сказали они одновременно.

Некоторое время спустя золотой «артефакт» был уничтожен и превратился в хворост для костра. Я пытался сосредоточиться, ускорить процесс регенерации маны, но болтовня отвлекала.

— Не понимаю, как ты стал намного сильнее за такое короткое время, — сказал Джорра. Он уставился в огонь, немногословный. Его руки были обнажены, и там, где полгода назад почти ничего не было, виднелись тощие мышцы. Но он все равно был не таким мускулистым как Белла. От ее бицепсов мог бы упасть в обморок и гном.

— У меня было больше свободного времени, чем у тебя, — ответил я.

— Джорра просто обижается, что больше не может победить один на один. — Белла толкнула его в плечо. Джорра отодвинулся от нее и закатил глаза. Его взгляд переместился на мои руки, вновь обмотанные бинтами.

— Дело даже не в надписях. Хотя, возможно, это отчасти и так, — сказал Джорра.

— Может быть, — сказал я. Я не винил его за то, что он был в замешательстве. По правде говоря, я не знал точно, сколько итераций провел в петле Анклава. Больше десяти. Почти все они были посвящены либо постоянной практике магии, либо поиску решений. В то время это не было заметно, поскольку враг был практически всемогущ, но я становился сильнее, и весьма существенно.

Белла замкнулась в себе и посмотрела в сторону озера. Я и без вопросов понял, что она думает об отце. Ей сообщили минимальную информацию, а мое участие было полностью опущено. Меня охватило чувство вины.

— Привет, Белл.

Она подняла голову. — Хм, да?

— Над пустотным состоянием не мешало бы поработать. — Это было по-дурацки, и для любого другого я бы нашел лучший способ выразить это. Но Белларекс была другой. Она игнорировала комплименты. Вместо этого она больше всего ценила критику.

— Скажи мне, — произнесла она, достала лист бумаги, огляделась в поисках чего-нибудь, на чем можно было бы написать, и, не найдя ничего, шлепнула лист бумаги на спину Джорре, не обращая внимания на его протесты.

Я продолжил. — Почти идеально. Ты бы поймала меня на подходе, но нужно следить за углами. Подкралась слишком быстро, и я увидел тебя краем глаза. В противном случае ты бы точно застала меня врасплох.

Она закончила писать свои заметки, кончик ее языка высунулся из-за края рта, а затем усмехнулась. — Спасибо!

— Боже, ты странная, — сказал Джорра.

— Да-да, — сказала Белла.

Мы вернулись в анклав. Белла отправилась на службу в храм пустоты. Время было позднее, и мне ничего не оставалось делать, кроме как вернуться в поместье Ралакоса.

— Агарин спрашивал о тебе, — сказала Джорра. Это странное замечание, казалось, возникло из ниоткуда.

Я не знал, что ответить. — У него все в порядке?

— Да, он стал больше говорить. Хотя половина его речи — это все еще детский лепет. — Джорра потянулся, все еще сохраняя этот странный, слишком непринужденный образ. — Ты приглашен сегодня на ужин. Знаю, что ты откажешься, но просто хотел сказать об этом.

— Кто пригласил? — спросил я.

— Никто. Общее, семейное приглашение.

— А инициатором был…

Джорра тяжело вздохнул. — Кильвиус.

Вполне ожидаемо. Я не винил Неттари за то, что она держалась на расстоянии. То, через что мы прошли в Сумеречных пещерах, то, что она видела, — это было из тех вещей, которые остаются в памяти навсегда. Неттари не была исключением. После петли я прекратил потребление вурсенга, но мне все еще было трудно заснуть.

Я попытался вызвать улыбку, но это удалось лишь отчасти. — Возможно, в другую ночь. Передай Кильвиусу спасибо, но мне действительно нужно сосредоточиться на учебе. Святилище не за горами.

— Да. Мне тоже нужно начинать готовиться. — Джорра посмотрел в сторону гигантской

расщелины и озабоченно пожевал губу. — Но он будет продолжать приглашать. — В его голосе звучала покорность. Мы уже давно обсуждали эту тему, и всегда все заканчивалось одинаково.

— Мы встретимся в какой-то момент, я уверен.

— Думаешь, Белла готова?

Вопрос удивил меня. — Белла? Она определённо справится. В любой день недели она может надрать мне задницу.

Он посмотрел на меня.

— Я не сказал, что она победит, — сказал я, — просто надерёт задницу.

— Просто иногда у нее такой взгляд. Как будто она измучена и растеряна. Это даже больше, чем просто усталость: Измученность. А мы еще даже не приступили к самому сложному.

Это была правда, но я чувствовал необходимость поддержать свою будущую подругу по команде. Я понимал, через что она проходит. Белла не устала, у нее не было опоры. Судя по тому, как редко я видел их, Эрдос сильно давил на нее. Постоянная рука на ее спине, толкавшая ее вперед, подгонявшая ее, никогда не ослабевавшая. А теперь эта рука исчезла.

— Просто будь с ней терпелив. Она через многое прошла, — сказал я.

— Да. Я не пытаюсь быть засранцем. Просто чувствую, что мы еще не готовы, — возразил Джорра.

— Из всего, что я слышал, это не то, к чему можно полностью подготовиться. — Я вспомнил описание Мортусом святилища, как он сравнивал его с тем, как птицы выталкивают своих птенцов из гнезда. — Ты либо летишь, либо падаешь.

Он оторвал взгляд от расщелины и сменил тему. — Ужин. Поскорее. Желательно до того, как мы поедем.

Он протянул руку ко мне на уровне пояса, и я пожал ее. Затем он бодрой трусцой направился к своему дому, уворачиваясь от проходящих по улице кротов. Я смотрел ему вслед, пытаясь подавить тошноту в своем нутре. Но ничего не получалось. Этот барьер между мной и семьей, к которой я так привязался. Так уж сложились обстоятельства.

Слуга встретил меня у дверей, забрал мои вещи и снял с меня пальто. Он подтвердил, что никаких писем не было. Это было разочаровывающе, но этого следовало ожидать.

Я писал матери и сестрам уже несколько месяцев. Это был большой шаг. Когда я только прибыл в анклав, какая-то часть меня боялась общения с ними. В глубине моего сознания оставалась неуверенность в том, что они живы, и действовать так, как будто они живы, не увидев их сначала, было похоже на самонадеянность. Но сейчас страх означал нечто совершенно иное, чем тогда, поэтому я взял перо и начал писать.

Ответов, конечно, никогда не было — я был уверен, что мой отец занимает жесткую позицию в отношении любых возможных утечек информации во враждебные фракции, — но надеюсь, что они хотя бы читали их.

Я рассеянно поблагодарил дворецкого и направился в свою комнату.

Последние шесть месяцев пролетели незаметно.

Мое пребывание в поместье Ралакоса было одиноким, но достаточно приятным. Ралакос был постоянно занят делами совета и разбором последствий исчезновения Эфиры, поэтому я видел его реже, чем раньше, когда жил в его доме.

Я заполнял свое время единственным способом, который хорошо знал. Навязчивым изучением и практикой. Привычки, когда-то чуждые и смехотворные для меня, стали моими универсальными правилами. Хотя я уже давно отказался от бессонных ночей, дни начинались рано и заканчивались поздно, часто оставляя ощущение, что пробуждение наступает в тот же момент, когда голова коснулась подушки.

Мое владение демоническим языком становилось все лучше. Едва ли я свободно говорил, но мог понять большинство простых предложений, хотя намеки и двусмысленности часто терялись для меня, к раздражению Вогрина. Моя магия стала сильнее, но заклинания все еще не получались так, как должны были получаться у инфернала моего возраста. Постоянные занятия были в некотором смысле лечебными. Сосредоточенность помогала заполнить пустоту и занять все сознательные мысли, не позволяя разуму блуждать там, куда лучше не соваться.

По большей части, постоянные занятия помогали. Вспышки боли и мучений больше не мучили меня в течение дня. Однако я ничего не мог поделать со снами, которые приходили ночью.

Я снял рубашку и бинты и осмотрел себя в зеркале. Бурный рост, характерный для моих поздних подростковых лет, необъяснимым образом наступил раньше. Впервые в жизни я стал долговязым.

Но вряд ли это было самым значительным изменением. Большую часть моего тела теперь покрывали зазубренные демонические каракули, которые тянулись вверх по рукам и через всю грудь в виде злобного черного текста. Процесс нанесения надписей был болезненным и ужасно медленным. Чем больше надписей, тем больше вероятность того, что это вызовет некий душевный дисбаланс, приводящий к разным особенно неприятным последствиям. Акиос, мой начертатель — тот самый, который изначально работал над надписью самоубийства, заставил меня составить список всего, что я хотел, прежде чем приступить к работе. После этого я

ложился под нож каждые две недели, как по часам.

Я провел пальцем по тексту в центре груди, проверяя, нет ли боли или дискомфорта, признаков инфекции. Я размышлял о том, нужен ли мне выключатель: то, как надпись стала почти самопроизвольной под давлением во время самого тяжелого предыдущего цикла, тяготило меня.

Вместо того чтобы полностью отказаться от такого решения, я выбрал компромиссный вариант, доработанную версию первоначального варианта. Он ничем не отличался, но его было немного сложнее привести в действие, нежели курок арбалета с более тяжелым спуском.

Надеюсь, этого будет достаточно.

Я обсудил с Вогрином дневную тренировку. Он был конструктивен, но было ясно, что он недоволен мной и другими. Он уже не раз высказывал свои чувства по этому поводу: Святилище было возможностью, которая выпадает раз в жизни. Я должен был использовать свою возросшую власть и положение, чтобы влиться в группу, которая была сильнее и опытнее.

Несмотря на понимание того, к чему он клонит, я не мог согласиться с его мнением. Доверие имело первостепенное значение. Сейчас — больше, чем когда-либо. Возможно, Джорра был несколько незрелым и временами угрюмым, но он прикрывал меня. И несмотря на то, что мы были знакомы совсем недолго, я чувствовал, что понимаю Беллу. Даже мысль о том, чтобы бросить их ради другой группы, казалась мне неправильной.

В дверь резко постучали. Голос дворецкого возвестил: «Молодой господин, к вам гость».

— Одну минуту. — Я накинул рубашку. Неожиданно, и время было выбрано странно. В эти дни у меня было не так много гостей.

Я открыл дверь. Вслед за этим возникло движение, и кто-то обнял меня. Я напрягся на мгновение, борясь, пока мой нос не уловил знакомый запах, и паника полностью исчезла.

— Разве тебе не нужно идти на семейный ужин? — мягко поинтересовался я.

— Ты уберег их, — сказала Майя. Ее голос был приглушенным, лицо утопало в моей груди. — Они сказали мне. Ты уберег их.

Мое дыхание сбилось, и зрение поплыло в колодце эмоций, которые я только сейчас смог загнать обратно. Я обнял ее в ответ.

— Да.

http://tl.rulate.ru/book/77890/2569801